

НАШИ ЗАГРАНИЦЕЙ.

R 435
242

Р 435

Н. А. Лейкинъ.

НАШИ ЗАГРАНИЦЕЙ.

—*—

ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПОЕЗДКИ СУПРУГОВЪ,
Николая Ивановича и Глафиры Семеновны
ИВАНОВЫХЪ,
ВЪ ПАРИЖЪ И ОБРАТНО.

ИЗДАНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

—♦♦—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Высочайше утв. Т-ство «Печатня С. П. Яковлева». 2-я Рожд. ул., д. № 7.

НАШИ ЗАГРАНИЦЕЙ.

I.

ПЕРЕЪХАЛИ русскую границу. Показался прусскій орелъ, изображенный на щитѣ, прибитомъ къ столбу. Поездъ подъѣхалъ къ станціонному зданію. Русскіе кондукторы въ послѣдній разъ открыли двери вагоновъ. Носышалась нѣмецкая рѣчь. Стояли два откормленные нѣмца въ черныхъ военныхъ плащахъ съ множествомъ пуговицъ по правую и по лѣвую сторону груди и въ каскахъ со штыками. „Ейдууненъ!“ возгласилъ кто-то, проглатывая слова. Виднѣлись вывѣски со стрѣлами и съ надписями: „Зетти“, „Дашен“. Пассажиры стали снимать съ полокъ ручной багажъ и начали выходить изъ вагоновъ. Въ числѣ ихъ были и молодой купецъ съ женой, купеческое происхожденіе котораго сказывалось въ каждой складкѣ, въ каждомъ движеніи, хотя онъ и былъ одѣтъ по послѣдней модѣ. Прежде всего онъ ударилъ себя ладонью по дну шляпы котелкомъ и сказалъ женѣ: — Ну-съ, Глафира Семеновна, пріѣхали въ за-

границу. Теперь слѣдуетъ намъ свое образованіе доказывать. Сажайте иностранныя слова! Сажайте безъ всякихъ стѣсненій. Жарьте во всю.

Молодая супруга, одѣтая тоже по послѣдней модѣ, смутилась и покраснѣла.

— А какая это земля? — спросила она.

— Знамо дѣло — Нѣметчина. Нѣмецъ всегда на границѣ стоитъ. Помимо нѣмца ни въ какую чужую землю не пройдешь. Забирайте свою подушку-то. Миѣ три не протащить сквозь двери. А насчетъ саквояжей мы носильщика крикнемъ. Какъ носильщикъ-то на нѣмецкій манеръ?

— Я, Николай Ивановичъ, не знаю. Насъ этими словамъ въ пансіонѣ не обучали. Да и вообще я по-нѣмецки очень плохо... Когда учитель-нѣмецъ приходилъ, то у меня всегда зубы болѣли.

— Какъ-же это такъ... А говорили, что обучались.

— Я и обучалась, а только комнатныя слова знаю. Вотъ ежели что въ комнатѣ или съ кѣмъ поздороваться и спросить о погодѣ...

— Странно... самъ-же я слышалъ, какъ вы стихи читали на иностранномъ діалектѣ.

— То по-французски. Вотъ ежели по-французски придется, то я больше знаю.

— Какъ тутъ въ нѣмецкой землѣ по-французски! Здѣсь за французскій языкъ въ участокъ могутъ сволочь. Нѣмецъ страхъ какъ француза не любитъ. Ему французъ — что тараканъ во щакъ. Эй, носильщикъ! — кричитъ купецъ. — Гутъ моргенъ... Какъ

васъ?.. Комензи... Наши чемоданы. Брингензи... Саквояжи...

— Вотъ видишь, ты и самъ нѣмецкія слова знаешь.

— Десять-то словъ! На этомъ не много уѣдешь. Хмельнаго я самъ попрошу по-нѣмецки, потому хмельныя слова я знаю, а остальные ни въ зубъ. Эй, херъ носильщикъ! Херъ — это по по-ихнему господинъ. Поучтивѣе, такъ, можетъ, лучше... Херъ носильщикъ! Нейдетъ, подлецъ! Въ другой вагонъ проперъ. Неужто самому придется переть?.. Вытаскивай подушки, а я саквояжи... Тащи! Чего-же стала?

— Да видишь, главная подушка не пролѣзаетъ. Надо по одной штукѣ...

— И къ чему только ты три подушки съ собой забрала!

— Да я не могу на одной спать. Голова затекаетъ. И наконецъ, вѣдь, не знаешь, куда ѣдешь. Можетъ быть, тамъ и вовсе безъ подушекъ...

— Брось подушки. Давай, я ихъ вытащу... Ну, пролихивай сзади, пропилихивай... Вотъ такъ... Вѣдь тебѣ можно здѣсь. Не стали-бы нѣмцы подушки распарывать и искать въ нихъ? Вѣдь цѣлыя перины имъ притащили. Не сочли-бы за мѣшки съ товаромъ. Хоть сказать имъ, что это подушки. Какъ подушки-то по-нѣмецки?

— Не знаю.

— Здравствуйте! А сейчасъ хвасталась, что всѣ комнатныя слова знаешь. Вѣдь подушка — комнатное слово.

— Знала, да забыла. И чего вы на меня сердитесь. Вѣдь вы и сами не знаете!

— Я другое дѣло. Я специалистъ по хмельнымъ словамъ. Вотъ въ буфетѣ я въ лучшемъ видѣ... „Биръ - тривкенъ... Шнапсъ - тринкенъ... Зейдель... фляше... бутербродъ“... и, наконецъ, я въ пансіонѣ не обучался. Нѣмецкимъ словамъ я выучился у нѣмцевъ-колонистовъ, которые приѣзжаютъ къ намъ въ лавку веревки, парусину и гвозди покупать. „Ейнъ, цвей, дрей, фиръ, фиръ рубль, цванцигъ копекенъ“. Считать по-нѣмецки тебѣ что угодно высчитаю, а другихъ я словъ не знаю. Ну, постой тутъ около подушекъ, а я саквояжи вытащу. Эй, херъ носильщикъ! Нумеръ ейнъ ундъ цванцигъ Комензи!— снова началъ кричать купецъ и мап носильщика.

Носильщикъ, наконецъ, подошелъ, взялъ все и понесъ ихъ. Купецъ и его супруга тащили за подушки, зонтики, пледъ и ватное стеганое одеяло.

— Zollamt... jetzt ist Zollamt... Koffer haben Sie, Herr?—спрашивалъ носильщикъ купца.

— Чортъ его знаетъ, что онъ бормочетъ! — воскликнулъ купецъ. — Глафира Семеновна, понимаешь?—обратился онъ къ женѣ.

— Да должно быть на чай просить. Дай ему, — отвѣчала та.

— Ну, народъ! Даже двугривеннаго не хотятъ повѣрить и впередъ деньги требуютъ. Бери, бери... Вотъ три гривенника. Не надувать сюда приѣхали. Мы въ Петербургъ въ полномъ довѣріи. У меня по

банкамъ на полтора ста тысячъ векселей гуляетъ...

Носильщикъ денегъ не бралъ и говоритъ:

— Nachher, nachher werden Sie zahlen...

— Глаша! Не беретъ. Неужто двухъ пятиалтынныхъ мало?—недоумѣвалъ купецъ. — Иль, можетъ быть, ему нѣмецкія деньги надо?

— Да конечно-же онъ нѣмецкія деньги требуетъ.

— Дейтъ гелдъ хочешь? Дейтъ надо размѣнять. Гдѣ тутъ мѣняльная лавка? Надо размѣнять. Понимаешь? Ничего не понимаетъ. Глаша! да скажи ему по-нѣмецки, какъ васъ учили. Чего ты стыдишься-то! Ну, какъ по-нѣмецки мѣняльная лавка? Сади!

В — Ахъ, Боже мой! Ну, что ты ко мнѣ пристаешь-то!

— Ничего не знаетъ! А еще у мадамы училась.

— Мѣняльную лавку вы найдете въ вокзалѣ. Тамъ еврей вамъ и размѣняетъ, — слышалось издали по-русски.

Говорилъ какой-то господинъ въ войлочной дорожной шапочкѣ. Купецъ обернулся и сказалъ:

— Мерси васъ... Удивительно какъ трудно безъ нѣмецкаго языка... Ничего не понимаютъ. Будьте добры сказать этой колбасѣ, что онъ на чай въ лучшемъ видѣ получить, какъ только я размѣню русскія деньги. Ну, вотъ... Еще мерси васъ... Извините.. А какъ по-нѣмецки мѣняльная лавка, чтобы я могъ спросить?

— Вексельбуде... Но еврей, который будетъ мѣнять вамъ деньги, говоритъ по-русски.